

проповедь продолжает оставаться одним из важнейших средств идеологической борьбы: меняется только ее политическая ориентация.³⁰ В то же время многоплановость, которая была характерна для проповеди Прокоповича, создавала некоторую «перегрузку» жанра, и эта «перегрузка» могла быть ликвидирована за счет развития других жанров, принимавших на себя некоторые функции прежней проповеди.

В «Кратком руководстве к риторике» (1743) Ломоносова заметно стремление ограничить задачи жанра проповеди, обособить его в тематическом и стилистическом отношении. «Публичные слова, — сказано в § 121, — которые в нынешнее время больше употребительны, суть: проповедь, панегирик, надгробная и академическая речь. Проповедь есть слово священное, от духовной персоны народу предлагаемое, которого суть два рода — похвальный и увещательный. Похвальные проповеди предлагаются в прославление божие и в похвалу святых его на господские праздники и на память нарочитых божиих угодников. Увещательную проповедь учит духовный ритор, как должно христианину препровождать жизнь свою богоугодно».³¹ Важное отличие от системы Прокоповича прежде всего здесь в том, что выделяется только два рода проповеди («похвальный» соответствует «изъяснительному» у Прокоповича, «увещательный» — «совещательному»). Ломоносов уже не считает возможным говорить о третьем роде — «обличительном», который Феофан так широко использовал. Вообще тематика, намеченная Ломоносовым для жанра проповеди, охватывает довольно узкий круг вопросов, которыми отнюдь не исчерпывалось содержание проповедей Феофана. Вместе с тем многие его «слова» могут быть названы, по терминологии Ломоносова, «панегириками» или «надгробными речами». Эти определения подчеркивали светский характер жанра, по существу уже представленного в творчестве Прокоповича.

Приводя в «Риторике» образцы ораторской прозы, Ломоносов давал примеры только из античных авторов и европейских писателей средневековья и нового времени, не называя ни одного русского оратора. Между тем в зачеркнутом варианте к § 106, где речь шла об изображении печали и приводился пример из надгробного слова Флешье маршалу Тюренну, у Ломоносова была следующая фраза: «Но лучшие сего примеры читать можно в словах надгробных покойного Феофана Прокоповича, архиепископа новгородского».³² Одним из соображений, заставивших Ломоно-

---

³⁰ См.: П. Н. Берков. Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740 годах. — Известия Отделения общественных наук АН СССР, 1937, № 1, стр. 218; И. Э. Серман. Поэтический стиль Ломоносова. М.—Л., 1966, стр. 27—28.

³¹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., 1952, стр. 69.

³² Там же, стр. 174.